

ЭТА ДОЛГАЯ ВОЙНА

Александр Волог

Александр Волог
Эта долгая война

«Издательские решения»

Волог А.

Эта долгая война / А. Волог — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500474-1

Это — книга о Великой Отечественной войне. Я посвящаю её всем участникам — живым и мёртвым, воинам и мирным жителям, всему поколению победителей.

ISBN 978-5-00-500474-1

© Волог А.
© Издательские решения

Содержание

Содержание	6
Эта долгая война	7
Как это было	7
Баллада о Резервном фронте	9
Волоколамское шоссе	11
Рождённому в 41-м	12
Рассказ о ночных гостях	13
Рассказ о невыполненном приказе	15
Пехота	17
Морозовская больница	18
Летом сорок второго	19
Полководцы	21
Фронт безоружных	22
Чудо Георгия о змие	24
Победа	25
Моряк	26
Осколок	27
Эта долгая война...	28
Комбат	29
№9201	30
Дети войны	31
Сказка про солдатский рай	32
I	32
II	35
III	37
IV	39
Рапорт ВСЕМ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эта долгая война

Александр Волог

© Александр Волог, 2019

ISBN 978-5-0050-0474-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

ЭТА ДОЛГАЯ ВОЙНА. Книга стихов

Баллада о Резервном фронте
Как это было
Волоколамское шоссе
Рождённому в 41-м
Рассказ о ночных гостях
Рассказ о невыполненном приказе
Пехота
Морозовская больница
Летом сорок второго
Полководцы
Фронт безоружных
Чудо Георгия о змие
Победа
Моряк
Осколок
Эта долгая война...
Комбат
№9201
Дети войны

СКАЗКА ПРО СОЛДАТСКИЙ РАЙ

РАПОРТ ВСЕМ. Фронтовые записки

СВЯЗЬ. Поэма

Эта долгая война И в том строю есть промежуток малый – Быть может, это место для меня? Расул Гамзатов.

Как это было

Приказ невесел – снова отступаем.
Кому-то надо прикрывать отход.
Что тут – верняк, мы сами это знаем.
Но – добровольцы – два шага вперед!

Само собой, шагнули все ребята.
Решай, комбат – и вся тут недолга!
Но был один – стоял в строю девятым —
Который не осилил два шага.

И он один на той черте остался
И молча нам в затылки не глядел.
А батальон «на третий» рассчитался,
С заминкой на девятом – было дело.

Комбат был свой, не говорил спасибо,
Но объяснил, где будет ждать всю ночь.
И мы собрались умереть красиво
Не раньше, чем к семнадцати ноль-ноль.

Кто уходил, отдали нам гранаты —
Пусть танки нам заплатят за кишки!
А тот, который был в строю девятым,
Грузил с каптёром наши вещмешки.

Мы понимали всё – что он контужен,
Что пять детей, и в окруженьи был,
Что воевал он никого не хуже —
Имеет право не пытаться судьбы.

Но только стало на душе тяжелее,
Когда, уже под выстрелами, к нам
Приполз в окоп – не он, а рыжий фельдшер,
Известный всем по прозвищу «Мадам».

Я помню, как он бинтовал мне ногу,
Как на локтях я выползал к своим...
А в батальон вернулось нас немного,
И фельдшера не видели живым.

Скажу про все пять тысяч вёрст с боями —
Один такой был случай за войну.
Но до конца войны я всё боялся,
Что вдруг со всеми вместе не шагну.

Баллада о Резервном фронте

Мы знали, что стоим не для парада.
Все ждали – вот взорвётся горизонт.
Но мы слышали – есть в тылу засада —
Его высочество Резервный фронт.

Уж там-то всё: и танки, и снаряды,
И свежие полки лишь часа ждут.
И в нас таилась мстительная радость —
Пусть только *те* попробуют, пойдут.

И *те* пошли – как вскрыли жерло домны!
Замолотил по нам чужой кузнец.
Бой был недолгим, как паденье бомбы —
Крупнее, громче, ниже, взрыв! Конец.

Уже давно заткнули нас в «бутылке»,
И «Юнкерсы» устроили нам «зонт»,
Но ждали наши бритые затылки —
Вот-вот сейчас придёт Резервный фронт.

Но он не шёл. И кончились патроны.
И стала тесной Русская земля.
И батя был убит. А похоронных
Уже давно никто не отправлял.

И мы прорвались штыковой ночью.
Мы шли лесами и задами сёл,
И молча понимали, между прочим, —
Резервный фронт навстречу нам не шёл.

И мы дошли. Безлюдные окопы.
Ни кухоньки, ни пушек и ни войск.
Сидел на кочке, мордую к Европе,
Обстрелянный и наглый, сытый волк.

Пришёл пешком небритый подполковник.
Отдал табак. Гранаты обещал.
Насчёт харчей сказал, что будет помнить.
А про Резервный фронт он промолчал.

С усталости и курева сомлевши,
Сидели мы, не находя слова,
Пока один – он оказался здешний —
Не ткнул рукой: «Можайск. А там – Москва».

Другой сказал: «Займуся пулемётом.
Давно бы надо произвести ремонт».
И в заключение высказался кто-то,
Что, видно, мы и есть Резервный фронт...

Волоколамское шоссе

Водитель, здесь притормози.
Побереги пока бензин.
Минуту помолчим-ка все:
Волоколамское шоссе.

Всегда ноябрь дежурит здесь.
Устал и зол угрюмый лес.
Кюветы в глине и снегу.
Чужих моторов хмурый гул.

...Здесь замедляют шаг всегда
Все проходящие года.
Здесь дремлют в памяти живых
Противотанковые рвы;
Здесь про запас хранит земля
Ежи и минные поля;
И вызывающе глубок
Никем не занятый окоп;
И запасные диски ждут,
Когда бойцы сюда придут;
И выложен последний ряд
Противотанковых гранат.

Они положены для нас,
И здесь нам встать в тревожный час,
В окопе этом, в полосе
Волоколамского шоссе.

...Прикинем, где кому стоять,
В какие секторы стрелять.
Минуту помолчим-ка все:
Волоколамское шоссе

Рождённому в 41-м

Над станцией Мга – пурга.
В снегу – блиндажи врага.
Сорок тяжёлый год.
Наступает Волховский фронт.

Без выбора, всех подряд,
Срубает свинцовый град.
Но там, за кольцом блокад,
Держится Ленинград.

А значит, приказ – Вперёд! —
У каждого в душу бьёт.
И фронт, скрежеща, ползёт,
Кусая кровавый лёд.

– Той ночью – сказала мать —
Тебя мне пришлось рожать...

Ничейный окоп. Снега
Сожжённого пункта Мга...

На клочья пургу кромсал
Трассирующий металл,
Но фронт поднялся и встал
На бруствера пьедестал.

Он, вроде, был невысок,
Со шрамом наискосок,
Нахмуренный, как война,
Шинель немного длинна.

Пожалуй, больше и нет
Его особых примет.
Был он самим собой.
А значит, им был – любой.

А сыну – тебе – одно
На память о нём дано:
Он шинель набросил на мать —
И дальше пошёл воевать...

Рассказ о ночных гостях

К полудню село опустело.
Подались, куда кто мог.
Болтался в порывах метели
незамкнутый кем-то замок.

Пороша следы заметала.
И только на самом краю
два деда-соседа остались
возле своих развалюх.

Решили: Мы-то пожилы,
чего уж беречь себя?
А тут всё же избы, пожитки...
Спроведили баб и ребят.

Смеркалось тревожно и рано.
В стрельбе заходилась лес.
И Фёдор сказал Степану:
– Зайди... Вдвоём веселей.

Зашли. Заперлись, А жутко.
Стемнело. Сидят, молчат.
Коптилка. Две самокрутки.
Горло дерёт самосад.

В полупотёмках клубился
махорки и копоти чад...
Вдруг Фёдор оборотился
и выговорил: «Стучат!».

Кряхтя, тяжело поднялся.
– Придётся пойти, отпереть...
С засовами долго возжался.
Скрипнула старая дверь...

Ввалились – в пару, в морозе,
хозяина пропустив,
двое почти что взрослых,
один – мальчишка почти.

– Отцы, мы свои, с разведки.
У нас ни дней, ни ночей.
Нам бы часок обогривки,
да щец бы погорячей...

Ну, тут старики подхватились,
и вмиг разгуделась печь,
и шей в чугушке вскипятили,
и лампу рискнули зажечь.

По кругу пошли буханки —
без ножика, на излом,
трофейной тушонки банки
и спирт из наркомовских норм.

Уютно. Тепло. Мыслишка:
полчасика бы поспать!
Но встал командир-мальчишка:
– Пошли. А то не успеть!

Собрались. Вооружились.
Старик до крыльца проводил.
Сказал им:
– Бывайте живы.
А нам-то как? Уходить?

Сощурясь на снег и ветер
и что-то решив, наконец,
внучок-командир ответил:
– Не уходи, отец!

– Наутро мы их погоним.
Наш наступает день.
А нам воевать способней,
зная, что вы – здесь!

Павловская Слобода.

Рассказ о невыполненном приказе

Приказ получил я устно,
с добавкой – Не обсуждать!
А это и стыдно и трудно:
своё же взрывать и сжигать.

Село, что мне поручили,
от штаба – версты четыре.
А в двух километрах далее
была уже передовая.
Заштатный был сельсоветик —
две сотни дворов, да погост.
Но там был военный объектик
и имевший значение мост.

Притопал туда на рассвете.
Там – школа, а возле – дети.
Не знают, идти на уроки
или смотреть на дорогу.
Учительша в старой шубке,
сторож с одной ногой...

А за лесочком – шумно,
а за лесочком – бой.
Танки и канонада...
Жду я свою команду,
а мне говорят в упор:
– Где ж твоё войско, майор?

Как будто меня пробомбило.
Я отвечаю – Скоро
прибудет... А войска было —
три старика-сапёра,
да триста кило взрывчатки
в санях за смирной лошадкой.
Да и задача у войска
не из разряда геройских...
Ну мост, ну плотину что-ли,
допустим, необходимо.
Но как же вот эту школу
я буду пускать по дыму?
Детишек окинул глазом,
и, ласковость затая, шумнул —
Валите по классам!
Там наши крепко стоят.

А тут же, как раз, из тыла
и войско моё подкатило,
подходят, мол, что и как...
А я говорю: Пока
взрывать ничего не будем.
Взрывчатку быстро – в овраг.
И лучше ни слова людям.
Оружие разобрать!
Укрыли в овраг взрывчатку,
в сарай завели лошадку,
и, чтобы не быть посторонними,
заняли оборону.
Делов нам немного было,
всего и успели при свете,
что два мотоцикла подбили,
да их шуганули разведку.
Да слушали главный бой.
Оттуда, с передовой,
и в сводках писали про то,
не отошёл никто.

Под вечер в село вкатили
танки – с востока, наши.
Комбриг их спросил: Не ты ли,
тот самый, мост не взорвавший?
Как было, я доложил,
а он – Молодец, удружил!
Нам нужен был мост позарез.
Идём наступать на заре.

Что дальше? Да дальше-то, что же...
Комдив наш был некуда строже.
Уж он на меня покричал,
уж он кулаком постучал!
Орал: Расстреляю на месте!
Шумел: Спустить бы штаны!
Вздыхнул: Десять суток ареста.
Отсидишь
 после войны.

Павловская Слобода

Пехота

Когда умолкнет Бог войны,
а танкам не пройти в болотах,
и без погоды летуны —
идёт пехота, идёт пехота.

Она в движение пришла,
и будет сделана работа.
Идет, внимательна и зла,
идёт пехота, идёт пехота.

По пуду глины на сапог.
Повзводно косят пулемёты.
Но словно чтение между строк
идёт пехота, идёт пехота.

И видит, дулом шевеля,
тот, что строчит, забившись в доты,
неотвратима, как земля,
идёт пехота, идёт пехота.

Занесены над головой
необходимые высоты.
Идёт к развязке штыковой,
идёт пехота, идёт пехота...

Когда тревога протрубит
судьбы крутые повороты,
когда не знаешь ты, как быть —
иди в пехоту, иди в пехоту.

Морозовская больница

Военная зима. Окно палаты.
Бесстрашные глаза больных детей.
И – за стеклом, от инея мохнатым, —
Рукою машет бережная тень.

Ушанки верх и звёздочки мерцанье —
Всё застигает непрерывный снег...
Голодный сон сморил на стуле няню.
От синей лампочки – бессильный свет.

Худющий мальчик спрыгивает на пол,
Кричит, преодолая дифтерит:
– А у меня есть настоящий папа,
И он ещё ни разу не убит!

Летом сорок второго

С телеги слез. Глотнул из кринки.
Сел на завалинку устало.
Детишкам – городской гостинчик,
а бабе – новый полушалок.

Поправил осторожно ногу,
хромую с первой мировой,
сказал чего-то про дорогу
и густо задымил махрой.

Послушать новости и сплетни
сошлось со всех пяти домов
всё население: бабы, дети,
да двое дряхлых стариков.

Неторопливо, невзначай,
он рассказал, кого встречал,
что в городе читал газету,
что был на почте – писем нету...

Торговля вроде шла сама,
хоть не в убыток, да не в радость.
Эвакуированных – тьма,
особо те – из Ленинграда.

И, вроде на себя сердитый,
он отвечал, крутя костыль,
что магазины-то открыты,
да там хоть шаром покати,

мануфактуры и посуды
за деньги вовсе не достать,
и что дела на фронте худы:
всё продолжаем отступать.

А на базаре ходят толки,
что запасайте, мол, муку,
что немец скоро выйдет к Волге,
а там допрёт и до Баку...

...И бабушка тогда привстала,
и как-то ростом выше стала,
и в наступившей тишине
негромко так она сказала:
– А ну-ка, повтори-ка мне!

Сказала – Нет, ты повтори,
куда сказал ты выйдет немец?
...И сразу все забереглись,
как будто между нами нежить.

А он, сперва остолбенеv,
приподнялся, опять присел,
и, помянувши час неровный,
ещё прибавив оборот,
– Да что ты! Ну, прости, Петровна!
Понятно, брешут! Не дойдёт!

...И, поперхнувшись, кашлял долго,
костыль отбросив на дрова...

В то лето немец вышел к Волге.
Но бабушка была права!

Полководцы

Сегодня маршалу не спится —
наутро переломный бой.
Припоминается, как снится,
князь Дмитрий, прозвищем Донской...

Всю ночь тревожно было князю,
бродил в лугах, молясь без слов,
и слушал, лёгши ухом наземь,
гуденье труб и плачи вдов.
И было внятное веленье,
что нет ему судьбы иной,
и для Руси – одно решенье:
Иди за Дон! Да будет бой!...

За тонкой стенкой – раций свисты,
трезвонят зуммеры подряд,
охрипшие телефонисты
открытым текстом матерят.
Отставил маршал все сомненья.
На карте – местность за рекой.
И есть всего одно решенье
– Идём за Дон. Наутро – бой!

Всё решено. И все готовы.
И битвы час не изменить...

Рассвет. Светлеет Дон подковой...
В руках кольчуга чуть звенит.
Ох, сколько ляжет здесь народу!
Недаром – переломный бой!
И мнится князю воевода —
из будущего – тот, другой...

Фронт безоружных

Снег.
И копать на нём.
И труба самовара
вылезает откуда-то из-под земли.
Середина войны.
Пепелище пожара.
Тихо.
Белые сумерки.
Выход зимы.
Две цепочки следов
завязались в узел.
Выплеск бледных помоев
прихвачен ледком.
Опускается крутенько лаз заскорузлый
до дыры,
заслонённой пожарным щитом.
Отодвинь же его
поэтичный и пылкий
юный житель высокоэтажных домов.
Там темно.
Но представим, что тлеет коптилка
или две головешки осиновых дров.
Потолок —
не добротной работы сапёров,
хлипкий кров из обугленных ветхих жердей.
Через щели песком просыпается шорох
на пустой чугунок,
на тряпьё,
на людей.
Измождённая баба
с испугом,
засевшим
в глубине навидавшихся горя зрачков.
Обезноженный дед,
от цинги почерневший.
И последний сынишка трёх с чем-то годков.
Выплывают слова, позабытые нами:
худоба,
истощение,
голод,
рахит...
К недалёкой и незасыпаемой яме
скоро новую стёжку
беда проторит...
Но они не заплачут.

Они – в обороне,
свой участок держать,
сколько могут,
должны...
Это тоже война,
на особенном фронте,
не с грохочущей,
не с огневой стороны.
– Эх, помочь бы!
– Но как?
Сквозь густые десятки
разделяющих лет дотянуться к курку?
...Умирающий дед.
Хилый мальчик.
Солдатка...
– Вот ружьё!
В партизаны!
В работу!
В строку!

Чудо Георгия о змие

Памяти маршала Жукова.

Во прах повержен змей,
И на коне Георгий.
Тут шутковать не смей,
Благоговей в восторге!

Но только почему
Без всякого восторга,
Столь безотрадно хмур
Глядит окрест Георгий?

Он отирает меч,
Скорбя челом остывшим,
И помнит всех предтеч
В сражениях погибших,
И сонмы многих жертв
Невинно убиенных...

Да, змей, похоже, мертв.
Но сколько жизней бранных!...

За всех, за всех Георгий отомстил!
Но никого не воскресил...

Победа

Ревут безлошадные бабы...
Ржаной любопытный росток.
Уже пригревает к обеду.
И будет последний салют...
С утра объявили Победу!
Уже никого не убьют!
А дальше – труды, а не муки.

Но хмуро стоит у межи —
Один на село – однорукий,
Худой и угрюмый мужик.
Сиротка соседская храбро
Прижалась к его сапогу...
Ревут большерукие бабы.
Никто ни пред кем не в долгу.

О, сколько же надо осилить,
Чтоб право на слёзы иметь,
Когда вызывает Россию
Фанфары ликующей медь,
Когда наивысшее право —
Худой однорукий мужик,
Когда воплощение славы —
Сиротки доверчивый лик,
Когда завещание дедов —
Схороненных зёрен руда,
А в корне взошедшей Победы
Тяжёлая глыба – беда.

Моряк

Он приходил – тяжёлый и земной,
В движениях неспешен и просторен.
За чёрною шинельною спиной
Мятежно пахло воздухом и морем.

А дома было тесно и тепло,
И всё казалось маленьким и тонким,
И от шагов чуть тренькало стекло,
И пахло щами, пудрой и ребёнком.

Всегда хватало мужиковских дел.
Шёл нескончаемый ремонт в квартире,
Где молоток геолога висел
Как символ памяти о довоенном мире,

Как детская любовь наивных дней
С её весёлым, терпким беспокойством,
Как обещание вернуться к ней,
К рудоисканию и землеустройству.

Но шли послевоенные моря,
С Атлантики шумело зыбью злою.
Погоны. Чёрный китель. Якоря.
А в доме пахнет твёрдою землею.

Осколок

Осколок добровольческих полков,
Двенадцати дивизий ополчения,
Не любит вспоминать, не любит слов
И киноэпопей про окруженья.

Он любит сад, антоновку в цветах,
И лес, проросший дружными грибами.
Ещё он любит чёрного кота
С невероятно белыми ногами.

На встречи он не ходит каждый год,
Предпочитая посидеть за чаем,
Поскольку всё равно там никого
И никогда уже не повстречает.

А где-то в дальнем ящике лежит,
Притягивая внуков, как магнит,
Забытый им осколок – бесполезный,
Заржавленный,
Но всё-таки железный!

Эта долгая война...

Её давно не ищут ордена...
Но старший сын всё хмурится упрямо,
И старится, и говорит: «Война
Не кончилась – не возвратилась мама».

Он совершенно мирный человек,
И поседел за тихими трудами,
Но глубоко запряган в голове
Шрам памяти – не возвратилась мама.

И в День Победы, робкий, как юнец,
У обелиска с красною звездою
Он думает: «Ещё война, отец,
И мама не вернулась к нам с тобою».

А старший внук, философ и шпана,
У почтальона клянчит телеграмму
И знает, что не кончится война,
Покуда папа не дожждётся маму...

Комбат

Старичок,
по ночам потихоньку ловивший стерлядку,
оказался комбатом
жестоких и честных годов.
Он не хвастался этим, тянул пенсионную лямку,
был нешумно уважен в бесчинном кругу рыбаков.

Пиджачок его ветхий был чуждым медальному лязгу.
Ненавязчив бывал он в рассказах о тех временах.
И ему
рыбинспектор прощал потихоньку стерлядку,
что охотно брала на его немудрёную снасть.
За других не скажу,
а меня заедала досада,
и ложился на сердце
шершавый и тягостный ком,
что геройский комбат,
обожжённый огнём Сталинграда,
доживает свой век
незначительным истопником.

Но, ведь этот смиряга —
ужели забыла Европа? —
есть причина того,
что она сохранила лицо,
и что эта стерлядочка
не на столе Риббентропа,
а что ей угощает он
внуков погибших бойцов.
Неужели душе государства доволена грубость?
Не о том ли скрежещет по совести
жёсткая жесьь,
что лихие комбаты,
прошедшие медные трубы,
обретаются в званиях
дворников и сторожей?
...Он обиды не видел.
Лицо его было открытым.

Он смотрел,
как творением мира
измотанный бог.
И сказал, что ему-то
довольно и быть неубитым,
и достаточно знать, что когда-то
он сделал, что мог.

№9201

Видели безумную старуху?
Шопотом хирургу говорила:
– Доктор, ампутируйте мне руку.
Не хочу, чтобы со мной в могилу...

Жилистая. Крепкая. Простая.
– Что с тобой, мамаша? Дайте бром ей!
Тронула рукав. Не закатала.
Отвернулась. – Там остался номер.

Был хирург с людской бедою свычен,
Только и его обдало жаром.
Это – как в лицо прожектор с вышки.
Это – как вдогонку лай овчарок.

...А старуха истово твердила:
– Не хочу, чтобы со мной в могилу...

Дети войны

Поколение, поколение
урождения предвоенного!...
Всё запомнила наша нация:
оккупация, эвакуация...

Школы тёмные проморожены,
стынут ноги в дырявых валенках.
Был богатством платок в горошину.
Был закон: не обидеть маленьких.

Были в штатском мужчины – странными.
Были женщины в лётных кителях;
обручальные кольца родителей
в оборонные фонды сданные;

провождения эшелонные;
мама в чёрном – белее извести...
Это ясно – когда похоронная;
было хуже – пропавший без вести.

Шепчет мальчик: хлебушка хочется...
– Где же взять то? – горюет бабушка —
Хлеб по триста рублей буханочка!...
С той поры у мальчика комплексы —
отвращение к спекуляции.

Проходящие танки клацали.
Каждой ночью всё ближе зарево.
Вот, фашисты уже в Захарово...

Отдаляется всё, естественно.
Остаются прививки оспины.
О концерте в военном госпитале
не забудет никак Рождественский.
Остаётся в блокаде Воронов,
с той зимы, застрявшей под Пулковом...

Что же, нет ничего зазорного,
в том, что нас не сразило пулями.
Выше шли свинцовые вееры.
Мы в отцов и в победу верили...
Как ты нынче живёшь, поколение
Предвоенного урождения?

Сказка про солдатский рай

I

Исполнен долг, солдатский долг.
теперь – заезду прибить
на свежевystруганный кол,
и что тут говорить?
И вот – солдат уже ничей,
и может отдохнуть,
и без салютов и речей
пойти в последний путь.
Походным шагом, налегке,
без выкладки шагай,
и, с вечностью накоротке,
ищи солдатский рай.
Неспешно мерит шар земной
солдатский шаг – аршин.
Сперва – осколочным огнём
пробитый строй осин.
За ним в чаду горелых нив,
в раздавленной земле,
недавний танковый прорыв
оставил грузный след.
А дальше – трубы да зола,
Скрипящая в ногах —
останки нашего села —
опорный пункт врага...
Но вот, за тинистой рекой,
форсируемой вброд,
открылся вид совсем другой,
как к миру поворот:
не взрыт окопами лесок,
не вытоптаны льны,
не укрепленный пункт – село,
мосты не сожжены.
И рад боец земле такой...
Но память всё чадит,
и с установкой боевой
солдат на всё глядит.
Берёт боец себе на вид,
где ставить пулемёт,
куда в атаку выходить,
где переждать налёт.
Там, под прикрытием, проползти,
а дальше – перебежкой,

вот этой балкой отойти
на запасной рубеж.
Но вдруг попалась на глаза
солдату высота, и видит —
отдавать нельзя,
и значит это – та,
с которой не уйти конём,
и здесь ему лежать
с противотанковым ружьём
и с дюжиной гранат.
Он к бою примеряться стал
на этом рубеже...
Но – Фу ты, чёрт! – себе сказал —
Ведь я убит уже.
Там заменить меня должны,
коль знает командир...
А впрочем, здесь ведь нет войны,
здесь, вроде, как бы, мир...
Солдат просёлочком пылит,
выходит на большак.
На перекрёсточке стоит
знакомая душа:
пилотка – набекрень, флажок,
глаза – сам чёрт не брат,
регулирущица дружок,
соседний автобат.
Солдат с улыбкой козырнул,
готовя разговор,
но тут флажок ему махнул,
на указанья скор —
ступай-ка, брат, путём таким,
хоть мы с тобой друзья,
но вдругорядь поговорим —
при деле, видишь, я...
Вздыхнул. Дотопал до села —
вёрст семь – не ближний край.
Глядь – у околицы стрела.
Прочёл: «хозяйство Рай».
Полынью сапоги протёр,
понюхал кухни дым,
и, приосанившись, пошёл
почти что строевым.
Приказы надо исполнять,
и в рай, так, значит – в рай.
Идёт солдат, ремни скрипят
(а в теле девять ран).
Звенят медали на груди
(посмертная одна).
И вот осталась позади

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА.

II

Отбой – задумчивый сигнал —
трубач вдали трубил.
Солдату рай напоминал
дивизионный тыл.
Бывалый глаз отметил сто
проверенных примет.
И первым делом, это – то,
что канонады нет.
Бензиновых запахов струя,
навоза крепкий дух,
наезженная колея,
да банька на пруду.
На склад наброшена маскеть.
Живой петух пропел.
Забора нет, однако ж, есть
обычный КПП.
Из будки лейтенант идёт —
высок, лицом упрямым,
по форме – сорок первый год:
петлицы, кубаря,
погранвойска... Стоит солдат —
рука под козырьком.
А где-то видел этот взгляд.
Не в Бресте ли, мельком?
Но уставным порядком слов
боец рапортовал:
«Красноармеец Иванов
посмертно прибыл в рай!»
И, документы предъявив,
на всякий случай, он
докладывает, где погиб,
как бился батальон...
Тут пограничник загрустил
– Ну, жди ещё ребят!...
Ты – вольно, руку опусти.
Припомнил я тебя.
А документы заberi,
хоть здесь нужды в них нет,
есть указание – береги
до истечения лет...
Проходит разводящий со сменой.
И вот уж месяц не в бою,
всегда помыт, побрит,
и на довольствии в раю
по всем статьям стоит.

Отменный харч, в казарме – блеск,
одежка – первый срок.
Неплохо всё поставил здесь
полковник-господь-бог.
В курилке, задымив «Казбек».
толкуют все о нём:
мол, Батя – это человек,
и знает, что почём,
бойца здесь не муштруют зря,
положено вино,
не так уж часто и в наряд,
в неделю раз – кино.
Чего ж ещё? Напала грусть —
бери гармонь, танцуй,
поскольку слышно – наши прут,
война идёт к концу...⁷
Проходит разводящий со сменой.
Так в райский быт герой наш вник,
как все, без дураков.
Слетал в побывку на денёк —
проведать стариков.
Да жаль, что не был виден им —
как будто и не был,
что не был хоть часок живым
и дров не нарубил,
не подал про своё бытё
хотя б какую весть...
А девушка? Так он её
и не успел завести.
А тут, поскольку фронт – не тыл,
рай, в основном, мужской,
затем, что бабьи животы
нужней земле живой.
Да, заслоняли их собой,
ведь им – народ рожать,
за то и принимали бой
на энских рубежах,
за то и приняли сполна...
И что ещё сказать?
Недаром, родина – она
и на плакатах – мать.
Да, жаль не всех уберегли —
причина для кручин.
И всё ж души не береди,
ты – здесь, так значит – чист!.
Проходит разводящий со сменой.

III

В уставе райском, спору нет,
есть превосходный пункт:
ни наяву и ни во сне
тебя уж не убьют.
Солдату, как в родном дому,
и мир, и благодать.
И, что ещё важней ему,
не надо убивать.
Но вот, меж разных райских дел,
боец услышал зов.
Остановился. Поглядел.
– Сергеев! – Иванов!
Обнялись крепко, от души.
– Да дай же поглядеть!
– Ведь земляки, ведь кореши!
– И это ж надо, где!
– Ну, как? – А ты? – Так ты ж давней...
– Да, парюю годков,,,
– Так, расскажи... – Да нет, важней,
как там, у земляков?
– Да я, изрядно уж и сам...
Спроси у тех про свет,
кто в сорок пятом прибыл к нам
со знаньем всех побед.
У них и право – рассказать,
как кончили войну,
как не хотелось умирать
в победную весну,
как напоследок стали там
щедры на ордена...
А главное ты знаешь сам —
что кончилась война.
Так значит, мир, и можно жить...
Но я вот не пойму, —
ты дольше здесь, так расскажи —
тут караул к чему?
Проходит разводящий со сменой.
Приятель оглянулся, встал,
мотнувши головой,
(качнулась тусклая медаль
за битву под Москвой)
и с недомолвкой сказал,
проведши по усам,
– Тут просто рассказать нельзя.
Ты должен видеть сам.

– Ну, что же, покажи тогда —
поднялся тяжело.
Как отдалённая беда,
предчувствие пришло.
Но беспокойства не видать —
бывало всё. И вот,
бок-о-бок двинулись туда,
куда прошёл развод,
куда всё как-то недосуг
бывало заглянуть...
За хвойный лес, за низкий луг
ведёт пустынный путь,
в ту сторону, куда с трудом
слезает день с небес...
Проходят караульный дом.
Безлюден хмурый лес.
В разведке – шаг нетороплив,
сперва смотри, куда.
Недолгий спуск. Крутой обрыв.
И – чёрная вода.
Прихлынул к сердцу непокой.
Стоят и смотрят, как
там, за Смородиной-рекой
встаёт недобрый мрак,
колышется слепая муть,
закат не разглядеть,
и кто-то в смраде и дыму
уже ползёт к воде...
и тихо говорит солдат
– Вот, можешь посмотреть,
здесь тоже есть граница, брат,
тут – жизнь, а там вон – смерть.
И вот ответ на твой вопрос —
за этою рекой.
И вот зачем здесь первый пост,
и этот часовой —
там, на Калиновом мосту...
А часовой стоял,
и метронома мерный стук
над ним века считал.
А за рекою, из теней,
отрыгивая страх,
вздымался грибовидный змей
о девяти главах.
Но часовой стоял, как влит
в самую земную твердь,
поскольку был уже убит,
и в нём не властна смерть.

IV

– Застава, смирно. Как всегда,
сегодня на развод
лишь добровольцы. Два шага...
– весь строй шагнул вперёд.
– Приказ... – слегка качнулась тень,
начкар взглянул на строй.
Не в голове и не в хвосте
стоял наш рядовой,
стоял, спокоен и суров,
и помнил этот мост...
– Красноармеец Иванов!
Навечно – первый пост.

Рапорт ВСЕМ Фронтовые записки

Журнальный вариант: «Молодая гвардия» 2008 г.: №№5 – 6

Не отсюда ли исток Бессмертного полка?...

На пожелтевшем ветхом листке в линейку из школьной тетради. Написано обычной перьевой ручкой, чернила разного цвета, перья разные.

Комиссару N-ского стрелкового полка (зачёркнуто) В политотдел N-ской гвардейской стрелковой дивизии (зачёркнуто) N-ского гвардейского стрелкового корпуса

от младшего (зачёркнуто) старшего лейтенанта (зачёркнуто) майора Русакова В. Б.

Докладываю о событиях, случившихся 7—8.XII.41 во время моей службы исполняющим должность комзвода 5-й роты N-ского стрелкового полка (зачёркнуто).

Считаю необходимым доложить о событиях, в которых я принимал непосредственное участие, так как другие участники этих событий, которые могли бы о них рассказать, насколько мне известно, погибли в боях (зачёркнуто).

Считаю необходимым доложить об известных мне событиях, которые, как мне представляется, могут иметь важное значение (зачёркнуто).

* * *

Далее – стопка листов писчей бумаги стандартного формата, рыхлой, изначально сероватой и пожелтевшей от времени. Написано перьевой авторучкой, чернила синие, выцветшие. Листы пронумерованы в левом верхнем углу.

1. Первый раз я хотел написать обо всём этом спустя 3 месяца, когда мы вели затяжные бои на вяземском направлении, где был убит наш ротный, старший лейтенант Плотников. Может, с того я и собрался написать. А может, потому, что завтра снова надо было вести взвод на чёртову высоту 216, где уже много народу полегло, и откуда запросто мог не вернуться. А может, просто, как-то всё это отошло и уже не казалось таким невероятным. Подавать о таком рапорт по команде было бы вовсе дико. Решил написать комиссару (о нём в полку уважительно отзывались) и перед боем отдать политруку – пусть сам сообразит, если что. Политрук этот к нам как раз в ту самую ночь прибыл и, несмотря на незаконченное высшее образование, был ещё жив. Об этом деле он так и не узнал, а говорить с ним про такое я не мог – очень уж он был учёный и политически грамотный. Только я начал писать в уголке землянки при коптилке, прибегают связной – вызывают на ротный КП, мол, приказано выйти на связь с батальоном. Побежал я, телефонист меня соединил, комбат наш, капитан Хопёрский на проводе. Говорит – принимай роту. И с ходу мне боевую задачу на завтра ставит. Я чуть ошалел, однако выслушал, даже один вопрос задал. Говорю – есть! Сходил за вещичками, вызвал взводных, дал приказ на завтра.

Тут навалилось на меня и всё ротное хозяйство. А из боёв мы ещё неделю не вылезали, всё высоту 216 добывали. Комбат жал, и на него, видно, жали, а нам только на немца оставалось жать, но плохо получалось. Наконец, наверху сделали выводы, посадили нас в оборону. Думали, малость передохнём, но тут нагрянула из дивизии инспекция – почему, мол, нет успехов. Всем дали вздрючку, соответственно должности, и велено было ежедневно проводить учения по штурму укрепленных высот, и чтоб все командиры участвовали и не отлынивали. Потом интенданты приехали – считать валенки и портянки. Не успели проводить – новая инспекция, уже армейская. Ну, эти в роты не появлялись, да и в батальоны тоже. Посмотрели, говорят, строевые ведомости в полках, покачали головами, и скоро пришёл приказ вывести дивизию во второй эшелон. Вроде бы и неплохо оно, да со всем тем столько хлопот было, что я о своём рапорте напрочь забыл.

В мае 42-го меня направили на краткосрочные армейские курсы, и там я пробыл до августа. Я училище-то не кончил. Нас тогда только зачислили, занятия в сентябре 41-го начались, а через девять недель училище эвакуировали, а нам дали сержантские звания и направили на фронт. Такая обстановка сложилась.

По окончании курсов мне лейтенанта дали, а младшего-то я получил вскоре после того самого случая, ещё Плотников меня представил. Мне удалось вернуться в свою дивизию. Дивизия за это время повоевала на Юго-западном фронте, в самом пекле летнего немецкого наступления, пробилась с большими потерями к Дону и была отведена на переформирование в тыл, на Урал. Туда я и прибыл, и принял свою прежнюю роту, где уже мало осталось тех, с кем воевал под Москвой.

В октябре нас вернули на фронт, на этот раз на Калининский, под Великие Луки. Ну, пока осень, распутица, на нашем участке затишье было. Тут как-то, в штабе полка, встретил я нашего бывшего батальонного, теперь уже майора Хопёрского. Он тоже к тому случаю краем причастен был, хотя и не знал толком ничего. А теперь он в штадиве был, ПНШ. Припомнил он меня, хоть и с трудом, и отчего-то решил, что я подхожу на командира разведроты.

Получил я новое назначение, принял разведроту. Дело было новое, пришлось поднапрячься, чтобы соответствовать, тем более, что мне ещё звёздочку добавили. В ноябре вдруг с разведчиков спрос повысился. Однажды, по службе (группу в поиск отправляли) попал я в свой прежний батальон. Ночью проводили ребят – всё удачно получилось. А моя бывшая рота на соседнем участке была, я и решил к ним заглянуть утром. Да только грустно вышло – почти никого из знакомых там не осталось. Один только Ваня Ёжик – он тоже в том деле участвовал – отыскал меня. Отпросил я его на полчаса у командира, сели мы в лесочке под ёлками, выпили наркомовскую норму, перекурили. Рассказал он, кто убит, кто без вести пропал, кто из госпиталя не вернулся. И вышло, что из того взвода, который я принял восьмого декабря в 41-м, только он и остался. Получил он младшего сержанта и состоит первым номером пулемётного расчёта. Спрашивает он меня: «Круглую роту помнишь?» «Как забыть можно?» – отвечаю. Рассказал кое-что, чего он не знал. Он говорит: «Я новым-то ничего не рассказываю, не поймут, ведь». Вдохнули мы, потом похлопали друг друга по плечам, решили, что мы везучие и обязательно доживём до победы.

На другую ночь пошёл я группу встречать, уже перед рассветом. Опять повезло, всё прошло гладко. Все вернулись и языка подходящего притащили. Разведчиков с языком я в штаб послал, сказал – догоню. А сам опять в свою бывшую роту пошёл, посоветоваться с Ёжиком – может и надо о том сообщить куда. Только Ёжика уже не было, его накануне шальной миной убило.

Вернулся я к себе, саднит на душе. А у нас инструктор политотдела был – с пониманием мужик. Думаю, расскажу ему. Потом решил – нет, напишу. Старый листок в планшете отыскал. Решил сперва начерно написать. И вот – опять, какое совпадение! Только сел, начальник разведки вызывает. Оказалось, наш язык важные сведения дал. Да и другие данные подобра-

лись. И надо всё уточнить и проверить. Напоминает мне, что наступление ожидается, и всё надо делать срочно и под мою личную ответственность.

Отобрал я из своих орлов четверых самых тёртых и в тот же день – на передовую, но уже на другой участок. С вечера просочились к немцам, а на рассвете уже к своим выползали, с языком. На нейтралке уже немцы нас заметили и обстреляли. Тут мне досталось, и орлы вытащили меня не в лучшем состоянии. Меня с передовой сразу отправили в госпиталь. Оттуда я вернулся через пять недель. Дивизия, выражаясь языком сводок, вела тяжёлые наступательные бои с упорно обороняющимся и контратакующим противником. И в этих боях тот самый инструктор погиб – поднимал залёгшую под огнём роту. А на его место другого прислали. Может, он и неплохой был человек, только всё время говорил. А слушать то ли не хотел, то ли не умел. Ну, мне и расхотелось писать.

2. В 43-м меня перевели в другую дивизию. Дали батальон, потом и капитана. Лето и осень были в боях. А зимой послали меня в Москву, на курсы переподготовки комсостава. На курсах нас учили напряжённо, но без лишней спешки – время уже другое было. Отучились мы, сколько положено, выпустили нас, вручили предписания. До поезда почти сутки у нас оставались, разрешили погулять, Москву посмотреть. Мы, выпускники, собрались, посидели, потом пошли к отъезду готовиться. Я быстро управился, время оставалось. И потянуло меня в те места хоть на часок заглянуть.

Вышел я у Сокола на Волоколамку, поймал попутку. Слез в Гучково, карту местности ещё помнил, пошёл пешком по просёлку. За час до Топорково дошёл, постоял у фанерного обелиска на братской могиле, которую мы же и вырыли, оттуда прошёл до Круглой рощи. Те два танка немецких там ещё стояли. И окопы остались, хоть поосыпались, травой по брустверу поросли. Сел я на пень, и так меня в тот день затянуло, что про всё забыл. Искурил полпачки «Беломора», аж тошнить стало, от того и очухался. Хотел ещё в Зелёный овраг сходить, но смотрю на часы – времени уже нет. И до шоссе дойти надо, и с попуткой неизвестно как поведёт, можно и на поезд опоздать. Вдохнул, поклонился всему и тронул обратно.

По предписаниям, возвращались мы впятером в свою 43-ю армию. Армия уже хорошо продвинулась, на подступах к Витебску стояла. А командармом у нас теперь стал генерал Белобородов, тот самый, что в 41-м нашим комдивом был – вот как, бывает, замкнётся. Кадровик в штарме, полковник, посмотрел наши личные дела и первым троим сразу полки предложил. Те, понятно, не отказались. До меня очередь дошла, спрашивает полковник о моих настроениях. Я на курсах осмелел, там всё старшие офицеры, преподавателями и генералы были, отношение уважительное, без этого фронтового «так тебя и разэтак». Попросился тоже на полк. Полковник говорит, мол, вакансий больше нет, или болтайся в резерве, или вот есть должность начальника разведки стрелкового корпуса. Ты, говорит, с разведкой немного знаком, хотя масштабы, конечно, другие, и время другое. Я согласился – не торчать же без дела. Да и нехорошо – сидеть и ждать, пока твоего предшественника убьют.

Прибыл в корпус, принял должность, снова услышал, как пушки работают, вспомнил, что на небо надо поглядывать. Средства, конечно, не те, что у меня в разведроты были. Один анализ радиоперехватов чего стоит. Больше приходилось в штабе сидеть, стал забывать, как гранату бросают. Майора получил. Сижу, мозги напрягаю, а временами вдруг накатит то, о чём кроме меня никто уже не знает.

И как-то нашлась моя старая планшетка, а там рапорт мой, дважды начатый и недописанный. Взял ручку, начал было заново, на том же листке потрёпанном. Потом задумался. Первым делом подумал, что никто не поверит, решат, что последствия старой контузии сказываются. Ну, допустим, поверят. Но сейчас мы, вроде, сами с трудностями справляемся, так что всё это, как скажут штабисты, неактуально.

Ну, а на будущее? Вдруг опять такое случится, как тогда? Когда всё на острие штыка качается и неизвестно, на какую сторону свалится? Когда с одной стороны только чуть дунуть надо? Будем мы, или дети-внуки наши, знать, что есть вот и такая возможность, резерв, так сказать. И не будем ли мы тогда не в полную силу сражаться, втайне от себя подмоги ожидать и на ту подмогу более, чем на себя, полагаться? Запросто и такое настроение может возникнуть. Всё это по-человечески. Мальчонке хочется во всесильного отца верить, который его от всякой беды оборонит. Солдат в своего бату-полковника верит, который всё лучше знает и в нужный час резерв подошлёт. От того люди и в господ-бога веруют, которому помолись, как следует, и все напасти сгинут. А если у бати нет больше резерва, если опаздывает он?

Вот такая раскладка у меня вышла. И получилось, что лучше не надо мне свой рапорт писать. Убрал я опять тот листок и занялся своим прямым делом.

3. В мае 1945-го, в связи с новым назначением, попал я опять в Москву, и оказалось у меня трое суток свободных. И когда я уже всё, что надо было, переделал, и по городу нагулялся, и всем, кому смог позвонил, а кому – письма написал, на третий день ничего не осталось. И так меня прижало ещё раз *там* побывать. Ещё и потому, что лежал мой путь на Дальний Восток, а когда я оттуда в Россию вернусь, никто не знал.

Мне тогда разрешали служебную машину иногда брать – «оппель-кадет» трофейный. Сказал я шофёру, куда ехать, но до конца не вышло – при съезде с Волоколамки на просёлке такая грязь была, что шофёр заробел. Машина, говорит, европейская, она такую дорогу не понимает. Сказал я ему, чтобы ждал меня в сторонке, и опять пошёл пешком. С просёлка свернул пораньше, чтобы на наши старые позиции и к Зелёному оврагу выйти.

День солнечный был, погожий. Казалось, что никакой войны и не было. Вышел я к опушке, прошёл мимо окопов старых, что когда-то в мёрзлой земле рыли. Мимо ротной землянки нашей, где у нас КП было до 8-го декабря. Мимо той поляны, где я со своим войском у костра сидел. Всех наших припомнил, так отчётливо, словно вчера вместе были. Особенно Серёгу Орехова, даже голос его услышал.

Пошел к Зелёному оврагу. Травы ещё было мало, молодая заячья капуста цветёт, ландыши повсюду лезут, папоротники только развернулись, кой-где рыженькие сморчки торчат. Кукушки безостановочно кукуют. На кустах и деревьях листва свеженькая, мелкая ещё, но лес уже не прозрачный, как тогда, не просматривается. Троп там не было, направление я на глазок взял, по памяти.

Вышел я к оврагу. Там он глубокий был, дно валежником вперехлест завалено, никому в голову не придёт ходить. Поверху – сплошная черёмуха, вся в цвету, запах такой, что голова кружится. Стал то место искать. Долго искал, запыхался, потому что по нынешней должности от физических нагрузок, признаться, отвык. Лазил по обоим склонам туда и обратно, сначала снизу вверх прошёл, потом вернулся обратно, в самое низовье, потом опять вверх – не нахожу, не узнаю. Конечно, летний лес не то, что зимний – единожды виденное место узнать трудно. Но, чувствую, не в том дело.

Стою на дне оврага, куда и солнце не заглядывает, между двух завалов. Нутром чувствую, что здесь то самое место, а памятных примет не вижу. Ни берёзы высоченной, ни выворотня растопыренного, ни валуна, что из откоса выпирал. А всё же где-то здесь вот это и началось...

4. Тогда, после училища-то, нас разделили на команды, распасовали. С тремя однокашниками я попал в 78-ю стрелковую дивизию. Собственно, направлялись мы в танковую бригаду, но её два дня назад в тыл отвели, и оказались мы в штабе стрелкового полка. Командир полка, которому мы доложились, своей властью нас себе подчинил. Оттуда, уже в одиночку, прибыл я в указанный батальон. Комбат спросил меня кто и откуда, и сходу направил в пятую

роту, на помкомвзвода. Когда я уже выходил, крикнул вдогонку: «Рот не разевай! Здесь передовая!»

Сначала мы оборонялись по реке Озёрне, потом дивизия с боями отошла к Истре, потом ещё немного, и под Дедовском упёрлась окончательно. Народ был крепкий – сибиряки, дальневосточники, и комдив был крепкий. Немцы нас так уважали, что в иные дни по две – три танковых да моторизованных дивизии на нас наваливались, но, как говорится, без решительного успеха. В те дни дивизия наша стала 9-й гвардейской. А до Москвы, до Кремля, вернее, было сорок километров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.